

РУССКИЙ ЭМИГРАНТ В ПАРИЖСКИЕ «БЕЗУМНЫЕ» ГОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖОЗЕФА КЕССЕЛЯ

Ключевые слова: русская эмиграция во Франции, кабаре, Жозеф Кессель, Монпарнас, «безумные» 1920-е гг.

Key words: Russian emigration in France, cabaret, Joseph Kessel, Montparnasse, “crazy” 1920 ss.

Чтобы познакомиться с личностью Жозефа Кесселя, следует восстановить его жизненный путь, литературную карьеру, начиная с его репортажей в *Journal des Débats* («Газета Дебатов»), рассказов о русской революции, романа «Экипаж», который принес ему известность в 1920-е гг., вплоть до его зрелых произведений «Лев», «Всадники» и «Дикое время» 1960-х и 1970-х гг. Все его творчество связано с тремя национальными принадлежностями: еврейство, русское происхождение и родина, Франция. В 1920-е гг. Кессель — усердный посетитель цыганских ночей в кабаре на Пигали. Его Россия — это «Княжеские ночи» — роман, который создает легендарный образ эмиграции, погруженной в отчаянье и выживающей русским «пиром во время чумы» в парижские «безумные годы». Летописец ли Кессель русской эмиграции? Скорее всего, он является ее художественным воссоздателем, нежели чем выразителем ее прозаической реальности. Вместе с тем, автор не остается циничным наблюдателем гибнущего мира, он сам — его плоть и кровь.

Родители Жозефа Кесселя, Самуэль и Раиса, были родом из России. Обучившись медицине в Монпелье, в 1896 г. они стали работать в аргентинском сельскохозяйственном поселении, основанном там еврейским обществом.

1898 г. — рождение Жозефа-Эли в Вилья-Кларе.

1899 г. — возвращение Кесселей в Россию, Оренбург, после завершения командировки в Аргентине.

1902 г. — возвращение во Францию, сначала на юг, затем в Париж.

1905 г. — возвращение в Россию с двумя сыновьями Лазаром и Георгом, кроме Жозефа.

1908 г. — возвращение во Францию, в Ниццу, где Жозеф поступает в лицей Массена.

1915 г. — Жеф (Жозеф) обучается на филологическом факультете в Париже, выступает «специалистом» по России в *Journal des Débats* («Газета Дебатов»).

1916 г. — в *Journal des Débats* выходят два очерка Жефа: «Красный петух» и «В лесах Беловежи».

Жеф, желая защитить свою вторую родину, добровольцем поступает в военную авиацию.

1918 г., октябрь — Жеф добровольцем поступает в межсоюзническую миссию в Сибири.

1919 г., март — Жеф оказывается во Владивостоке после кругосветного плавания — США, Гонолулу, Филиппины, Япония. Возвращается через Кобе, Шанхай, Сингапур, Марсель. В плавании встречает Санди Полизу (Sandi Polizu).

Александр Николаевич Бурмейстер, доктор общественных наук, почетный доктор Гренобльского университета-3 им. Стендаля. Сфера научных интересов — история русской эмиграции, русской зарубежной православной церкви. E-mail: sacha.bourmeyster@wandoo.fr.

14 июня, Парад Победы в Париже, первый репортаж в *Journal des Débats*. В сентябре статья в *Mercure de France* («Французский Меркурий») опубликована «Во Владивостоке в марте 1919». В декабре — «Большевизм по Достоевскому».

1920 г., август — самоубийство талантливого брата Лазара (Сибера), лауреата в Консерватории. С сентября Жеф — репортер *Liberté* в Дублине (с фальшивым французским паспортом): вместе с Анри Бери освещает события ирландского вооруженного восстания; появляется десять статей на эту тему, среди которых «Мешок Балбригган».

1921 г., 3 мая — бракосочетание с Санди.

Неудавшаяся попытка незаконного въезда на территорию России через Латвию. Пребывание в Риге, где Жеф пишет статьи для *Figaro* («Голод в России») и новеллы, которые будут опубликованы в 1922 г.

Кессель числится в «группе» Кокто *Vœuf sur le toit* («Бык на крыше»), вместе с Дягилевым, Мильо, Винер, Орик и в «мафии» Анри Торе: вместе с Лазар, Эмар, Бери, дэ Бринон, Суаре, Карбучиа.

1922 г. — в *Mercure de France* публикуется «Погребок № 7», который привлекает внимание Галимара, изд. NRF. Кесселю предлагают первый контракт.

Ноябрь, «Красная степь», NRF («Песня Федьки Хромого», «Куклы», «Ребенок, который возвращается», «На рынке», «Два дурака», «Крест», «Погребок № 7»).

1923 г. — Санди заболевает туберкулезом.

Жеф, одурманенный «цыганским наркотиком», вместе с Радиге часто посещает Яр (Yar). В августе, в течение 3 недель написан «Экипаж» (*L'Équipage*), он посвящен Санди, и в октябре выходит в свет, изд. NRF.

1924 г. — *Journal d'une petite fille sous le bolchevisme* («Журнал девочки при большевизме»), изд. *La Revue de France*.

1925 г. — *Mémoires d'un commissaire du peuple* («Воспоминания народного комиссара»), брошюра *Lib. Champion*.

Les rois aveugles («Слепые короли»), изд. *la Revue de France*, совместно с Элен Извольский (ее документация по Распутину).

13 июня — интервью «писателя и авантюриста» для журнала *Nouvelles littéraires*.

Rencontre au restaurant («Встреча в ресторане»), брошюра.

Le thé du capitaine Sogoub («Чай капитана Согуба») в *La Revue de France*, затем брошюра.

Makhno et sa juive («Махно и его еврейка») *La revue hebdomadaire de Librairie Plon*.

1926 г., апрель — по приглашению Вайзмана Кессель оказывается на Ближнем Востоке.

В Палестине и Сирии делает репортаж о первых еврейских поселениях на земле предков. *Terre d'amour* («Земля любви»), Flammarion 1927.

Осень, Кессель вступает за Шварцбарда, застрелившего Петлюру в Париже. Совместно с Х. Торресом основывает Международную лигу против расизма и антисемитизма (LICRA).

Октябрь, вместе с Санди в туберкулезном санатории, Жеф пишет «Пленники» (*Les Captifs*), NRF.

Зимой вместе с красивой полячкой Соней в Давосе, рядом с Санди. Жеф пишет *Nuits de princes* («Княжеские ночи»).

- 1927 г. — Сообществом конференций Жеф приглашен в Монако, затем, в Каннах, он увлекается играми в казино, после чего целых десять лет выплачивает долг Франсуа Андре (300 000 франков).
Les sœurs riges («Чистые сердца»), сборник: «Мари дё Корк», «Махно и его еврейка», «Чай капитана Сугуба»,
Nuits de Sibérie («Сибирские ночи»),
Nuits de princes («Княжеские ночи»), сначала по частям в *Paris-Matinal* («Князь в лохмотьях»).
- Июнь, Приз Французской Академии за романы «Пленники», «Чистые сердца», «Галимар».
- 1928 г. — зимой в Давосе, вместе с Соней, рядом с Санди. *Belle de jour* («Дневная проститутка»), скандальная тема: Галимар просит совета у Жида, тот одобряет. Июнь, Санди умирает в Давосе; похороны в Монтпарнасе.
 Ноябрь, *Belle de jour* по частям появляется в *Gingoire* (de Carbuccia), потом в NRF. Громкий скандал. Под угрозой полученный Кесселем Орден Почетного легиона, кандидатура в Французскую Академию снята! Тем не менее, успех с изданием журналов: «Грингуар» (*Gingoire*) и «Детектив» (*Détective*).
- 1929 г. — репортаж об авиапочте в Латекоере-26 для журнала «Грингуар».
- 1930 г. — репортаж для *le Matin* — «По стопам рабов» в Абиссинии совместно с Генри дё Монфрейдом в качестве гида. В жизни Жефа появляется Катя Гангардт.
- 1932 г. — *Fortune carrée* («Квадратный парус»). Изд. Франция.
 Март, репортаж для *le Matin*: «От тракторов Берлина к трущобам Гамбурга».
- 1933 г. — *Marché d'esclaves* («Рынок рабов»). Изд. Франция.
- 1934 г. — *Stavisky, l'homme que j'ai connu* («Ставицкий, человек, которого я знал»). Изд. Галлимар.
 Каникулы в Испании: революция продолжается!
- 1935 г. — вместе с Катей в Сан-Тропе. Анатолий Литвак снимает фильм «Экипаж» (*l'Équipage*).
- 1936 г. — *La Passante du Sans-Souci* («Прохожая в Сан-Суси»), Галлимар.
 Апрель-май, MGM приглашают Жефа к себе. *Hollywood, ville mirage* («Голливуд, город-мираж»), Галлимар.
 Подъем антисемитизма, разрыв с Анри Бери и дэ Карбуция (de Carbuccia).
- 1937 г. — *La Rose de Java* («Явская роза»), Галлимар.
 «По следам Мермозы в Латинской Америке». Мермоз, Галлимар, 1938.
- 1938 г., 18–27 ноября — репортаж из Испании для *Paris-Soir* (P. Lazareff).
- 1939–44 гг. — Жеф женится на Кате. Военный корреспондент, затем Лиссабон, Париж, Перпиньян. Вместе с Жермен Саблон и племянником Морис Дрюон, через Испанию и Лиссабон, добирается до Лондона. Там с ними составляет «Песню партизан» (*le Chant des partisans*), пишет «Армию теней» (*L'armée des ombres*), NY 1944. Жеф снова летает капитаном эскадрильи Сюссекс! В его жизни появляется Мишель О'Брайен.
- 1947 г. — *Le Bataillon du ciel* («Батальон с неба»), Жульяр.
- 1949 г. — Третья по счету женитьба Кесселя, в этот раз на Мишель О'Брайен.
- 1950 г. — *Le Tour du malheur* («Экскурсия по несчастью»), 4 тома. Галлимар.
- 1954 г. — *Les Amants du Tage* («Любовники Тахо»), Женева.
- 1956 г. — *Témoign parmi les hommes* («Свидетель среди людей»), 3 тома, ред. Дель Дука.

- 1958 г. — *Le Lion* («Лев»), Галлимар.
- 1960 г. — *Les Mains du miracle* («Руки чуда»), Галлимар.
Avec les Alcooliques Anonymes («С анонимными алкоголиками»), Галлимар.
- 1961 г. — в Иерусалиме Кессель освещает процесс над Эйхманом.
- 1962 г. — выбран в Французскую Академию.
- 1963 г. — *Tous n'étaient pas des anges* («Не все были ангелами»), Плон.
- 1967 г. — *Les Cavaliers* («Всадники»), Галлимар.
- 1968 г. — *Un mur à Jérusalem* («Стена в Иерусалиме») вместе с фотографиями из фильма Фредерика Россифа, Деноэль.
- 1969 г. — *Témoignage parmi les hommes* («Свидетель среди людей»), 6 томов, ред. Дель Дука.
- 1970 г. — *Les Fils de l'impossible* («Сыновья невозможного»), Плон.
- 1972 г. — *Des hommes* («Люди»), Галлимар.
- 1975 г. — *Les temps sauvages* («Дикие времена»), Галлимар. 85-я книга Кесселя, шедевр, совершенство языка и стиля, продано 109 000 экз.
- 1979 г., 23 июля — Кессель умирает в 50 км от Парижа, в Аверне — последнее место жительства вечного странника.

Знакомясь с биографией Иозефа Кесселя, этим «приключенческим романом», задаешь себе вопрос: является ли Кессель русским эмигрантом, способным описывать быт русской эмиграции в «безумные двадцатые годы» в Париже? Прежде всего, необходимо отметить, что, благодаря положению, которое он рано завоевал во Франции, писатель играет, скорее, роль наблюдателя. Его вдохновляет сначала русский революционный хаос, который вызвал эту самую эмиграцию. Он создает рассказы и повести. «Слепые короли» и «Княжеские ночи» — произведения, написанные в форме романа — являются исключением. «Русской тематике», привлекающей временно интерес французских читателей, он посвятит лет десять. Одновременно, помимо этой тематики, он публикует такие произведения, как *Equipage*, *Les Captifs*, *Belle de jour*, которые могут обеспечить ему известность романиста и также выдающегося репортера таких журналов, как *Matin*, *Gingoire*, *Journal*. И в наши дни мало кто может упомянуть, что у Кесселя было «русское прошлое».

Тем не менее, этот неверующий еврей навсегда останется суеверной русской натурой, требующей, при каждом новом приключении, чтоб ему желали «Добрый час, с Богом!». Он навсегда сохранит образ той России, в которой прошло его детство, не той, петербургской или московской, а именно той имперской России, которая простирается от Европы до Азии, России оренбургской, откуда был родом его дед по материнской линии, Антон Леск, еврей из Вильно, который сделал свое состояние благодаря торговле и чьи связи простирались вплоть до Афганистана.

Оренбург, основанный в 1735 г., стал первой крепостью в южной части Урала, воротами в Казахстан. Население города состояло наполовину из православных, наполовину — из мусульман. Рядом простиралась степь, Азия, караваны, казаки, река Урал. Это была Россия пестрая и многонациональная, мультикультурная, чрезмерная и в религиозных церемониях и в погромах; Россия изысканная и в то же время варварская, цивилизованная и дикая. Именно в такую Россию он вернется в 1919 г. и застанет ее в хаосе Гражданской войны во Владивостоке, а затем в том же Париже в безумные 20-е гг. Увлекаясь в детстве чтением Пушкина, былинами, подвигами казаков, легендами Туркестана, Кессель погружался в мир незабываемых образов Оренбуржья, которые впоследствии будут вдохновлять его на поиски приключений и на творчество.

Хотя он признает Францию своей второй родиной, на защиту которой он пойдет добровольцем в 18-летнем возрасте, хотя он опознает в Палестине землю обетованную, откуда пошел его род, тем не менее, Кессель останется русским, вернее, он согласует свой облик с образом русского, созданного на Западе им же самим больше, чем кем-либо другим; с образом личности с чрезмерными стремлениями — рисковать жизнью, пировать, напиваться, увлекаться азартными играми, женщинами, жить расточительно, щедро, сохраняя при этом верность в дружбе; с образом существа, живущего за пределами нормы, обладающего небывалой энергией, вспыльчивого, непредсказуемого, незрелого, но при этом пронизательного.

Не к чему судить или излишне идеализировать Жефа (он ненавидел свое имя Иосиф). Однако не подвергая сомнению его искренность, следует оценить его привязанность к своей «русскости», его неудержимую страсть к жизни, к письму, к расточению, ибо все свои «русские способности» он умел очень хорошо использовать во Франции.

В 1916 г. в «Газете Дебатов» Кессель публикует два «русских» рассказа: «Красный петух» (Умалишенные женщины поджигают свою лечебницу, где пируют саксонские офицеры) и «В лесах Беловежи» (пока пруссаки сжигают деревню, мать вешает двух своих детей и поет им колыбельную). Автора прельщали чрезмерность, мрачность, наваждение. Знание русского языка позволило Кесселю стать участником невероятной союзнической миссии, целью которой было «остановить продвижение немцев в регионе между Уралом и Волгой».¹ В свет выходят несколько новых рассказов, написанных под вдохновением этой экспедиции, но только в 1974 г., в «Диких временах», он приведет окончательный вариант своего незабываемого путешествия через Соединенные Штаты до Владивостока. Вернувшись в Париж, в 1922 г., он публикует свою первую книгу «Красная степь», где ужасающими картинками осуждаются злодеяния большевиков против мирного населения России. Продолжая в том же духе, Кессель публикует свои рассказы в элитных изданиях, с тиражом от 100 до 1000 экземпляров. Мелкие издатели обеспечивают в 1920–1930 гг. популярность подобных книжек.

В 1925 г., продолжая осуждать большевизм, Кессель переносит мотивы своих рассказов в хорошо знакомый ему мир русских кабаре Парижа. «Одарили меня русской душой, благодаря цыганской музыке», признается он как-то в одном из интервью на радио.

В повести «Встреча» в ресторане царит ностальгия. Тут официанты прислуживают прилично, без раболепия, свободно и достойно. Добродушный дворецкий внушительных размеров, в смокинге, словно в стальной кирасе кавалериста полковника, готовит меню в память о прошлых празднествах. Множество блюд с анчоусами, икрой, копченым лососем, с водкой и шампанским. Оркестр ограничивается фортепиано, скрипкой, цимбалами, «однако столь связно, ритмично и глубоко, что захватывает самые тайные стороны душевной печали»² Русские, скорее от уважения к артистам, чем от любви к музыке, прислушиваются в крошечной тишине к мелодии, знакомой, но при этом каждый раз в новом, свежем и удивительном исполнении. Аркадий, лукавый гуляка с жесткими ногтями, разоблачен своей жертвой, слепым певцом, способным на ощупь распознавать собственный портсигар, который его истязатель украл у него еще в России.

Струны звучали с диким ликованием; ничего больше не существовало в зале, кроме огненного речитатива, воспевания оргии, при которой самая болезненная меланхолия сочеталась с безудержной радостью. Здесь и сожаление о недоступном, и чрезмерное желание наслаждаться, и тщетная надежда найти в сердце женщины забвение и высший восторг.

¹ Courrière, Joseph Kessel ou Sur la piste du lion, 127.

² 'Rencontre au Restaurant', Mémoires d'un commissaire du peuple, 157.

В повести «Ужин» полковник Жерков, Его Превосходительство Сергей Михайлович празднует Рождество, как в старые добрые времена.

Цыгане! Как пламя, разбежались смычки по звучным струнам, поднялись звонкие и надтреснутые голоса в прокуренном зале. Жерков все забыл, и семью свою перебитую, и нищету безнадежную, и работу свою жалкую, и самую жизнь свою разрушенную. Он жил лишь в сияющем варварском ритме, в буре неудержимой радости и пышного отчаяния.

На небольшом пяточке между улицами Пигаль (rue Pigalle) и Дуэ (rue de Douai) Кессель посещает этот русский пир, цыганские ночи. Он целиком свой человек в этой обстановке, которая вяжется больше с его темпераментом, чем с тоскливым культом прошлого. Именно в этом участке Парижа, где «пируют», он наблюдает русскую эмиграцию и описывает ее с должным уважением: «У эмигрантов гордость проявляется недоверием. Если они чувствуют к себе любопытство без должного уважения и учтивости, то это их отталкивает, они закрываются, молча погружаясь в муки памяти».

В кабаре, куда он водит за собой «банду» парижан, Анри Бери, Гораций де Карбуция, Анри Торрес, Кессель чувствует себя русским, как у себя дома, в России; она, только она, эта «зарубежная Россия», по его мнению, способна окунуть на час безутешного эмигранта в мир навсегда потерянный. Тем не менее, укоренить русскую эмиграцию в столь притворной, романической обстановке, конечно, невозможно. В моих личных воспоминаниях детства, у русской эмиграции были совсем другие ориентиры, помимо кабака Пигаля; в первую очередь, православная церковь, которую эмигранты, верующие и неверующие, посещали, там, где оседали и где встречались по воскресеньям; это «русские праздники» с холодными закусками, чаем, тортами, водкой для любителей; с песнями и танцами, со спектаклями, организованными малороссами, казаками, ветеранами Галлиполи, разведчиками, витязями, соколами, или же самой церковью по случаю Рождества. Все эти торжества Кессель не посещал, потому что он принадлежал только частично к русской диаспоре. Являясь неверующим евреем, он, впрочем, придает православной церкви католические черты — глубокий неф, столбы, своды, которые более доступны французскому читателю, и создает просто клюкву. В «Башне Дьявола» автор описывает святотатство большевиков, наполняющих водкой (католическую) кропильницу!

Россия для Кесселя — это, до рассвета, кабаре «Кавказский погребок» или «Золотой колокол», а потом «Сан-Суси», утренний ресторан, куда отправлялись все те, кто способен был еще держаться на ногах после ночного веселья — русские, кавказцы, казаки, украинцы, князья и княгини, полковники гвардейцы и бывший оперный балет, джигиты и цыгане. Здесь Кессель слушает откровенные рассказы, исповеди людей о том, что они пережили, чтобы выжить, людей, описывающих свое прошлое с невероятной ужасающей правдивостью. Так, разносчик утренних газет, бывший товарищ Махно, рассказывает историю о злодеяниях легендарного преступника, вдохновленного ненавистью, но побежденного невинностью своей маленькой еврейки.

Россия Кесселя — это «Княжеские ночи», роман, посвященный «брату Жоржу и их цыганским ночам», это «Пигаль» — пять прекрасных страниц, которыми открывается вторая часть романа, они адресованы тем, кто в 1924–1925 гг. был охвачен праздностью, распутством, печалью или же попросту был во власти ночной прихоти под искусственными огнями Монмартра; тем, кто влюбился в необычайную картину улиц Пигаль, Фонтейн и Дуэ, в атмосферу пьяных американцев, чернокожих саксофонистов, аргентинского танго, блуждающих девиц, сутенеров в смокингах, продавцов цветами, шоферов и нищих. Воздух был пропитан запахом бензина, духов и макияжа, приглушенным наркотиками. Эти страницы адресованы тем, кто любовался с площади Пи-

галь на танцующий каскад вывесок, которые очаровывают и разочаровывают, подобно злобной радости; тем, кто встречался с тем странным племенем, которое приступает к работе в тот час, как все люди ложатся спать, и сам ложится спать, когда остальные просыпаются; встречался с истеричными, порочными и наивными людьми, оказавшимися за пределами человечности, материалом для удовольствия. Роман обращается к тем, кто помнит необычайное множество русских ночных ресторанов, расположенных близко друг к другу на нескольких квадратных метрах, в этой ядовитой зоне.

На каждом шагу казаки, они несут караул у этих ресторанах. Другие, певцы или танцоры, бродят в антракте без головного убора, заглядывая в бары или кафе. Смуглые люди в бархатных или шелковых камзолах следуют за ними. Белокожие, молочного цвета и светлоглазые особы, разукрашенные броскими нарядами, смеются или плачут без причины. Чистокровные князья по-братски чокаются с бывшими конокрадами.

Из знаменитых ресторанов Москвы и островов Петрограда прибыл в Париж поток эмиграции цыган. Некоторые из них выступали при царе, при великих князьях, при Распутине.

Итак, голодные, ряженые профессора, дворянки, проститутки, случайные артисты, знаменитые цыгане отдавались неистово и искренно всей душой, или ломались гнусно перед посетителями, ошеломленными шумом, светом и шампанским, передавая им отчаянный, порой прекрасный варварский дух, которым беспредельная и безусловная Россия одарила свои песни, танцы и сердце самых порочных своих детей (стр. 133–135).

Именно в этот «странный и жестокий край» Кессель увлек свою Елену, героиню «Княжеских ночей». Но прежде чем погрузить ее в этот ад, он знакомит читателя с пансионом мадмуазель Мезюрье (Mesureux), где героиню особенно ценят, и он пользуется случаем, чтобы предложить нам незабываемую галерею портретов эмигрантов, живых легенд, благодаря которым запечатлется романтические и экзотические представление русских в воображении французов. В пансионе мадмуазель Мезюрье жильцами числились исключительно люди, живущие «по соседству с кладбищем». Все это продолжалось до появления у дверей пансиона блондина в кожаной куртке, он снимает свою водительскую фуражку, чтобы представиться. Он говорит по-французски с вежливостью и необычным акцентом: это Максим Шувалов, родился в Тобольске, доктор медицинских наук, у него паспорт Лиги Наций. В настоящее время он работает водителем такси. Чтобы не беспокоить рано утром мадмуазель Мезюрье, он просит у нее ключ, объясняя, что работает в ночное время и вернется лишь в пять утра.

За ним, постепенно, в дом № 12, на небольшой улице Пасси, хлынула жизнь. Вскоре, ввиду того, что там поселились апатриды, пансион мадмуазель Мезюрье окрестили «домом русских». «Мы никому не принадлежим, т. е. всему миру, т. е. Женеве», объясняет загадочный водитель. На жалобы некоторых пожилых людей, оставшихся верными мадмуазель Мезюрье, она лишь отвечает:

— Что вы хотите, это русские!

— Ах! Это русские, — повторили старушки и ушли, покачивая головой, будто весь смысл, вложенный в это слово, отражал достаточно страдания, тайны и величия, чтобы заставить их без ропота принять все проступки, нарушающие их покой (стр. 9).

Больше не соблюдается расписание обедов, туалета, отхода ко сну. Перекликаются из комнаты в комнату; принимают радостно, часами, незнакомых гостей.

На обед опаздывают на пять минут, но извиняются, отказываются так мило от супа, что просто невозможно обижаться [...] И мало по малу знакомясь с этими лицами, начиная интересоваться их судьбой, мадмуазель Мезюрье их полюбила, не отдавая себе в этом отчет (стр. 11).

Среди этих лиц выделяется старый Алексей Дмитриевич Борков — человек уже преклонного возраста. В прошлом выдающийся журналист, он каждое утро, покинув типографию своей эмигрантской газеты на Гобелинах, возвращается пешком в пансион, в четыре часа. Чахоточный девятнадцатилетний сын его Вася уединился на чердаке с книгами своих любимых авторов — Толстого и Лермонтова. Двое его братьев были убиты в Галиции, а мать умерла в тюрьме.

Другая скромная фигура — еврей Самуил Яковлевич Блюменфельд. Гордый, честный и сдержанный, этот скрипач играет на Монмартре, в «Самоваре». Это кабаре, место гибели и выживания, является транспозицией «Яра», «Кавказского погребка» или же «Великого Князя», где Кессель проводит ночи со своей «бандой».

Какой контраст по сравнению с сестрами из № 12 — дочерьми бывшего губернатора, погибшего во время революции! Яркие и свежие, они являют собой красоту и молодость. Старшая, Наталья Борисовна трудолюбивая и мечтательная, сохраняет оптимистичный взгляд на мир, несмотря на то, что муж ее бросил, а дочь умерла. Младшая, Елена, героиня романа, — русская красавица с густыми волосами и золотым голосом. Ангелом светлым, затем темным, она будет вовлечена в преисподнюю Монмартра, в «Самовар». Все это ради того, чтобы обеспечить воздоровление князя Федора, очаровавшего ее своим «диким шармом» и «животным магнетизмом». Волосы с отражением синевы, острый взгляд, высокие плечи и женственный стан — вот облик восточного воина, коим и является доблестный князь Федор Ашкелиани. Истинный джигит, черный всадник, будто бы прикованный к своему белому скакуну, подобно кентавру, он выделяется в спектаклях, где показываются война и насилие, когда джигиты полностью теряют чувство самосохранения «одержимые силой, унаследованной поконом веков от предков-скифов, кочевавших некогда по бескрайним степям» (стр. 93). Кессель при этом упоминает джигитовку уральских казаков, у Оренбургского собора — явно личное воспоминание.

Оправившись от травмы, полученной в ходе очень опасного акробатического номера, князь Федор тоже попадает в «Самовар», где красным орлом Дагестана он танцует лезгинку, будто вскакивает на коня. «Джигитский хей сам собой вырывается из уст Федора и острие кинжалов блестит в его руках. Один за другим они вонзаются в сверкающие его зубы, и превратив свое лицо в боевую маску, он кружится и кружится, подобно дервишу» (стр. 183).

Еще в мирные времена, на улице Пасси, проявлялась непростительная склонность русских к пирам, к этим мимолетным оказиям отдаваться несбыточным мечтаниям. И вот представился случай отметить русский Новый год. Обе сестры накрывают на стол и принимают пакет с продуктами, преподнесенный князем Ашкелиани.

Из пакета показались банки с икрой; слои копченого лосося; слоеные пироги с мясом, капустой, рыбой, рисом, соленые огурцы, маринованные грибы и фрукты, фрукты, самые дорогие и недоступные в этот сезон. Это изобилие, будто невольно, опьянило обеих женщин, они нервно смеялись, раставляя дары князя. Вскоре тарелок стало не хватать, и пришлось обратиться к мадмуазель Мезюрье.

— Боже мой, к чему все это? — воскликнула она, принося нужные тарелки.

И Наталья Борисовна заметила с удивлением какую-то неудержимую гордость в спокойных глазах сестры, когда Елена коротко ответила:

— Мы встречаем русский Новый год (стр. 28).

Несмотря на то, что стол отражал истинную новогоднюю обстановку, у комнаты с креслами, покрытыми чехлами, не хватало души. В то время как Елена бежит к соседнему продавцу цветов, работавшему допоздна, Наталья подымается к себе в комнату и возвращается с драгоценностями в руках: лоскутки шелка, кусочки парчи, блестки из

золота и серебра — все необходимое для изготовления кукол на продажу в кабаре, это было их средство к существованию. Эти роскошные ткани, эти веточки мимозы, эти розы, доставленные особым заказом и рассыпанные на скатерти, на мебели, на камине и на полу, создают непревзойденную обстановку роскоши. Елена ощущает неудержимую радость, растрачивая плоды многих дней труда ради нескольких минут отрады.

Даже дорогой кинжал, инкрустированный драгоценными камнями, которым князь Федор пожертвовал ради новогодней ночи, не имеет тут значения. Однако допустимо ли отсутствие музыки на русском празднике? Пока гости празднуют, по коридору проходит «некто в черном». Это Самуил Яковлевич. Со скрипкой в футляре он идет в «Самовар». Его приглашают, усаживают за стол, несмотря на возражения Федора, считающего, что во всем виноваты евреи. В конце концов скрипач соглашается играть, а Елена петь.

Тогда именно мадмуазель Мезюрье, ожидавшая с нетерпением окончания ужина, чтобы убрать со стола, подумала, что теряет рассудок. В ее пансионе, где еще недавно к девяти часам вечера все уже спали, на улице, где царила тишина как в глухой провинции, раздавался, под зажигательное ликование струн, пылко и безудержно молодой высокий голос (стр. 48).

Возмущенная, она бросается в гостиную, но ее порыв разбивается.

Все в гостиной сидели, будто окаменевшие. Некоторые из них, закрыв глаза, удерживали голову руками, другие касались ее взглядом, но этот взгляд не останавливался, он был устремлен дальше, дальше нее, дальше стен, дальше города, широко в пространство. Лицо каждого выражало миролюбивое сияние и полную радость, которую мадмуазель Мезюрье видела впервые. И как раз пела мадмуазель Елена, та, у кого она особенно ценила изысканность и аккуратность, и с каким выражением! Открытым, восхищенным, счастливым! Мадмуазель Мезюрье почувствовала, что она окончательно побеждена (стр. 48).

Несмотря на свои оговорки и возражения, именно скрипач Блюменфельд приведет Елену в «Самовар». Это произойдет в тот момент, когда она решит прожигать свою жизнь, чтоб обеспечить жизнь Федора. У дверей кабаре стойко и с достоинством в своем казацком мундире властвует адмирал Андреев. Представления проходят по всем правилам высшего света — метрдотель приветствует новую певицу:

— Ну, Елена Борисовна, позвольте мне представиться: полковник Аркадий Терзов, драгун Ея Величества императрицы, и вот два офицера моего полка — капитаны Ланской и Феденский.

Оба молодых человека подошли, чтобы поцеловать руку Елены (стр. 147).

Приобщение Елены к эстрадной ночной жизни в кабаре стало делом цыганки Веры Петровны. Она была артисткой и знатной дамой, которая могла сокрушить любого. Вера Петровна советует Елене:

— Смотри, жизнь каждого человека может иметь и героическую сторону. Теперь ты цыганка. Будь, как они, отдавайся, страстно и радостно. Больше не бойся алкоголя. Не жалея себя. Пой и сгорай. В этом вся красота твоего искусства. Тогда ты станешь великой и чистой, подобно жрице и жертве оргии (стр. 180).

Вера Петровна — живая легенда. Отец — крупный вельможа, а мать плясала и пела ночи напролет. В тринадцать лет ее выдали замуж за скота. Ее похитил генерал и в его поместье она прожила дикаркой и королевой. Революция ее разорила, она босиком дошла до Берлина. На Пигаль она пела для душ сотворенных по ее образу и подобию и своим неистовством, своей варварской радостью бросала вызов падению, которое теперь их угнетало.

Елене нравятся песни, смешанные с радостью и отчаянием хора, управляемого Верой Петровной. Однако, часто повторяясь, эти песни теряют свою яркость и душу.

Внезапно по ее телу прошла дрожь. Гитарист отделился от своей группы и встал перед Верой Петровной. Аккорд, который он сыграл, звучал совсем иначе, чем предыдущие. В нем выражались тайна, ожидание. Цыганка опустила голову, седые волосы покрыли ее лоб, будто бы глубоко внутри себя она подбирала аккорд, и песня «Две гитары» стала медленно изливаться из груди.

Это был старый романс, Елена находила его нудным, оттого что наслышалась, однако в этот раз он прозвучал совсем иначе, в новинку. Голос Веры Петровны был необычайно сильным и сладостно хриплым, на лице каждая строфа вырисовывала взволнованную линию, а глаза, полные слез, обжигали священным жаром. Все свидетельствовало о том, что Верой Петровной полностью овладела сила, которая возвышалась над ней. Сила, которая передалась от рода человеческого и которая превращала музыку в саму жизнь, сила, которая пульсировала внутри нее в своей наивысшей точке красоты (стр. 157–158).

Однако «Княжеские ночи» не носили бы такое имя, не будь в произведении настоящих князей. Кроме князя Федора встречаются в «Самоваре» и другие князья. Например, князь Михаил Ризин — светский, платный танцор. Его здесь не любят, потому что считают, что он слишком знатного происхождения, чтобы танцевать со всеми этими старыми дамами. Он слабый, несмотря на то, что, казалось бы, выглядит, будто надсмехается над всеми. Уехав из Архангельска, проехав Лондон и Берлин, князь осел на Монмартре в «Самоваре». В перерыве между танцами он утоляет жажду, красится, прячет круги под глазами и проваленные щеки, чтобы не пугать своих клиентов. Чуть дрожащие руки выдают его древнее благородное происхождение.

Оркестр загремел новым танцем. Ризин, как обычно, поправил волосы, но его жест был тяжелее и отчаяннее.

— Приступим к работе, — сказал он, встав с трудом.

И пошел кланяться с неотразимой элегантностью, несмотря на препятствие — стол, украшенный цветами (стр. 208).

Чтобы противостоять этой жизни, считала Вера Петровна, нужна цыганская кровь, или же старый несокрушимый костяк Херидзе. Князь Кирилл Херидзе, повар из «Самовара», является тоже живой легендой:

Наследник князей Кавказа ... лучший кавалерист России ... все сердца прикованы к его скакуну ... Герой русско-японской войны. Был в родстве с царской фамилией ... Жена погибла от ударов нагайки. Наследство проиграно за игрой в карты... трижды был разжалован в звании. В Первой мировой войне участвовал рядовым. Одним лишь кинжалом ему удалось захватить пулеметы противника. Гигантские мошенничества. Во время революции был кем-то вроде царька в Туркестане, после чего его след затерялся (стр. 170–171).

Признанный мастером приготовления превосходного шашлыка, старый князь носит синий грязный китель с ржавым патронташем.

...при виде воротника, застегнутого до подбородка, неизвестным оставалось, было ли белье под шершавым сукном. Но эта нищета, это пренебрежение еще более обрисовывали его личность. Ничто не могло преуменьшить гордую и суровую фигуру вожака разбойника (стр. 174).

Все кавказцы вставали, когда князь входил в зал.

Придавали красоту его лицу правильные черты, невыносимый жар взгляда и особенно ясное и пылкое выражение безумия. Только тогда, когда он смеялся, выдавалось что-то неисправимо треснутое, дьявольское, падшее (стр. 174).

Вера Петровна, князь Федор, князь Херидзе являются живыми легендами, потому что Кессель черпал вдохновение при создании этих образов в реальной жизни, во время цыганских ночей на Монмартре. Замечательная цыганская певица «Кавказского погребка» Зинаида Давыдова стала прообразом его произведения. Она принадлежала к роду Димитревичей, которые после революции рассеялись от Константинополя до Сибири, от Европы до Азии; однако вскоре вновь собрались в Париже, между улицами Дуэ и Пигаль. Она рассказывает о своей жизни (которая позже станет жизнью Веры Петровны) Жефу, призывая его выпить: «Гори! гори!» под душераздирающе плачущие скрипки. Образ стройного казака, приносящего клиентам «Кавказского погребка» шашлык, был основан на реальном человеке — Андрее Берсе — сыне князя Эристова. Он был потомком одного из самых известных родов на Кавказе и в то же время приходился Льву Толстому племянником по линии сестры его матери — Софии Берс. После бурной ночи, проведенной в кабаре, на рассвете в «Сан-Суси» он рассказывает Жефу о своей жизни. Эта жизнь вдохновляет Кесселя на создание образов князя Федора Ашкелиани и князя Кирилла Херидзе. Она могла бы сама стать темой невероятного романа.¹

Жеф позволяет себе поместить среди князей свой портрет, выведенный под образом непривлекательного писателя Степана Матвеевича Морского, худощавого, неуклюжевого, с лицом похотливого гнома. Став любовником Елены во время одного из импровизированных вечеров в «Самоваре», он показал, что не способен любить. «Он слишком жил в сказочном мире, внутри себя, чтобы воспринимать живых всерьез. Они были для него лишь материей для деформации» (стр. 229). Но он женился на Пигаль, очаровавшись ее ослепительными огнями и опьянев от печальной чувственности цыганских напевов. Будучи писателем-эмигрантом, он был ограничен в средствах, жил одним днем и вскоре перестал посещать «Самовар». Он сопровождает Елену до дверей, затем бродит по чарующим улицам, заходит в «Эстургон» («Осетр») ресторанчик на улице Дуэ, с цыганами, в «Лезгинку», ресторан кавказской кухни, с запахами пряностей и масла, куда ходят только местные русские; становится постоянным посетителем «Сан-Суси», куда ночные безработные, офицеры, адвокаты, малороссы, кавказцы, цыгане приходят в поисках работы или просто, чтобы выпить. Степан не ищет работы, он терпеливо слушает откровения тех жалких существ, чья трогательная судьба написана на их лицах. Обогащенных хмелем, он их всех собирает в своей памяти. Он стал «страшным другом» для князя Ризина: «Вы не оставляете душу в покое. Похоже, вы работаете в ней, словно проявитель фотографий в темной комнате» (стр. 258). Он — «пожиратель душ». Кессель сам осуждает себя, когда описывает эгоизм Степана, озабоченного лишь своими книгами.

Таков был его образ жизни, настолько эгоистичный, что этот эгоизм даже не был материален. Он был нищим и не имел ничего, в то же время был замкнутым, хотя казался открытым и откровенным для всех, очень далеким от человеческих созданий. Все они интересовали его одним и тем же, то страстно, то никак, поскольку он в равной степени питал равнодушие и неверность (стр. 231).

Ив Курьер (Yves Courrière) в объемной биографии «Жозеф Кессель или По следам льва» полностью приводит эту цитату из «Княжеских ночей», добавив лишь: «Не давая себе поблажек, автопортрет Жозефа Кесселя, в 1927 году».²

Следует ли осуждать Жефа, «циничного» гуляку, который использует невзгоды этих маргиналов, изображая их самоубийственно унижительную жизнь? Напротив,

¹ Courrière, Joseph Kessel ou Sur la piste du lion, 292–294, 300.

² Courrière, Joseph Kessel ou Sur la piste du lion, 301.

должны ли мы восхищаться уважением, которое высказывает им Жозеф-Эли, ребенок из Оренбурга, постоянно озабоченный поисками следов древнего и благородного народа? Он всецело поглощен поиском следов того народа, для которого музыка была самой жизнью или открытым проявлением силы, возникшей из глубины веков, когда еще предки-скифы бродили по бескрайним степям. Не способствовали ли и та и другая личность зарождению писателя Жозефа Кесселя, привилегированного свидетеля своего века, мастера в мире вымыслов, который бродит там, где пожелает, без выполнения какой-либо миссии, в частности, миссии певчего русской эмиграции?

Однако домыслам «Княжеских ночей» предстоит кончина, как и в Монпарнасе безумным 1920-м гг. Ссора в «Сан-Суси» между князьями Федором и Херидзе: кому первому заломать руку сопернику? — предзнаменовала конец «праздника». Суть его заключалась в прожигании своей жизни и в попытке бросить вызов смерти. Ждут ли смертельного исхода эти истеричные женщины и эти мужчины, носящие отпечаток чего-то неисправимо треснутого, дьявольского, падшего? Писатель долго готовит эпилог, приглашая на русский Новый год в пансион мадемуазель Мезюрье единственного «положительного героя» романа, Антона Иртыша, сибиряка-крестьянина, одного из тех русских, которые способны выручить Россию в самых сложных обстоятельствах и поэтому жертв и большевистской революции, и самого Пигаля. Разорившись, как и многие другие, он стал предпринимателем во Франции. Он откапывал снаряды на местах бывших сражений, восстанавливал дома, разводил рогатый скот, финансировал издание трудов Степана Матвеевича и заботился о судьбе Елены, русской красавицы, в бедственном положении. Он ждал своего часа, чтоб открыть ей свое намерение — уплыть вместе с ней в Африку для покорения новых земель. Кессель в равной мере приберегает Африку и для тех, кто еще может спастись — для Шувалова как врача; для князя Федора, «героя» Иностранного легиона.

Железнодорожный роман? Несомненно, словоблудие, сентиментальные приключения — все это для интриги. Однако сколько великолепных страниц, сколько незабываемых образов, сколько необыкновенных трагедий вписано в это исключительное место, русское кабаре на высоте своей цыганской славы в безумные 1920-е гг. в Париже. А источником этого разрушительного безумия, которое питало воображение Кесселя на протяжении всей жизни, является «Аквариум» — его первый русский ночной клуб во Владивостоке в 1919 г. Если хочется по-настоящему открыть Кесселя, то в первую очередь необходимо прочитать его автобиографический шедевр «Дикие времена», написанный им в 1975 г., за четыре года до смерти.

Во времена белой эмиграции сколько поразительных ночей я провел в русских барах, кафе, клубах, погребах и кабаре, которыми изобиловали Монмартр и Монпарнас со своими знаменитыми цыганскими хорами Санкт-Петербурга и Москвы, со своими адмиралами-швейцарами, князьями-поварами и княгинями-гардеробщицами. Да. Сколько ночей... Но они не достойны ночей в «Аквариуме».

Швейцары, посыльные, официанты, метрдотели, музыканты, артисты — все говорили на языке, который был мне родным. Я был среди своих.

А эти офицеры, прибывшие со всего мира, объединившись в смертельные игры — я был тоже среди своих.

А эта музыка, каждая вибрация которой звучала внутри меня, а эти слова, каждый слог которых я понимал, а эти песни о радости дикой и отчаянной, безумной и мучительной — они были моими спокон веков.

Владивосток в 1919 год. Зов леса.

«Аквариум» ... Мой первый русский ночной клуб (стр. 124).

Ни сострадание, испытываемое чужбиной, ни внешнее эстетическое созерцание, а двузначность, разделенная между субъектом и наблюдателем, шизофренический бред. Глубокая привязанность Кесселя к своему «русскому ночному клубу», суррогат или иллюзия потерянной родины привязывает навсегда Жефа, авантюриста современности, к русским, погруженным в горе века.

Что поделаешь? Лучше стереотипа ничего не придумаю — русские танцевали на вулкане. Это были последние пиршества до заката их мира. Сибирские торговые миллионеры, спекулянты черного рынка, генералы, полковники, должностные лица — крупнейшие взяточники; беженцы, обменивающие на деньги сохранившиеся драгоценные камни и ювелирные изделия — все, даже те, кто не признавал роковой конец, все чувствовали его приближение. А красные партизаны уже проникали в гавань и нападали на пригород.

Тогда на плаву водка, кавказское вино, виски, шампанское (стр. 129).

Это апокалиптическое описание русской эмиграции является для меня парадоксом. Оно не имеет ничего общего с воспоминаниями, которые остались у меня от родителей. Мой отец был в рядах Белой армии под командованием Врангеля и эвакуировался по-военному из Севастополя. Многочисленная семья моей матери покинула Одессу на корабле, прибыла сначала в Варну, а затем в Сербию. Ничего общего с описанием Кесселя, кроме невыносимого чувства горя, которое испытывала Россия, присужденная выживать и увековечивать себя за пределами родины.

Певницей из «Аквариума» была Лена... худенькая, тельце прикрыто лишь темным платьем, исхудавшее лицо, растерянный взгляд, ни на кого не устремленный, низкий, жесткий и полный страдания голос, настолько душераздирающий, что почти не выносим, песня ни на что не похожа, «грустный романс, очень старый и медленный, ужасной простоты, в котором каждое слово падало друг за другом, словно камешек, брошенный в неподвижную водную гладь и заставивший ее трепетать надолго, рябь за рябью, волна за волной» (стр. 141). Затем ни одного аплодисмента, а гвалт — люди мстят этой песне, требуют напитка. Кессель тут наблюдатель, но особенный. Он полностью перевоплощается в эту «Эдит Пиаф» Владивостока, в скрипки «Кавказского погребка», в варварское, отчаянное дыхание безграничной России. Как же не удостоить его заслуженным званием певчего русской эмиграции?

BIBLIOGRAPHIE

1. Courrière, Yves, Joseph Kessel ou Sur la piste du lion (Paris : Plon, 1985).
2. Kessel, Joseph, Nuits de Princes (Paris : Éditions de France, 1937).
3. 'Rencontre au Restaurant', Mémoires d'un commissaire du peuple, éd. Francis Lacassin (Paris : Gallimard, 1992, NRF).
4. 'Le Réveillon du Colonel Jerkov', Mémoires d'un commissaire du peuple, éd. Francis Lacassin (Paris : Gallimard, 1992, NRF).
5. Les Temps sauvages [1975] (Paris : Gallimard, 2002, Folio).

SUMMARY

A. Bourmeyster in his article looks at the phenomenon of Russian immigration in Paris through the lens of writings by Joseph Kessel, a French author. The choice of Kessel is not random: Kessel considered himself Russian despite the fact that he lived in France almost all his life. According to the author, he became the chronicle of Russian immigration in France in the 1920s. The article explores the hardships of Russian immigrants, their mental suffering and nostalgia for the motherland.